

УДК 165.0

DOI:

10.15372/PS20200205

А.Ю. Моисеева, С.Е. Овчинников

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОНЯТИЕ ОШИБКИ

В статье проводится параллель между двумя нетрадиционными подходами к построению теории ошибки: подходом, развиваемым в совместных работах Дж. Вудса и Д. Уолтона, а позже в самостоятельной работе Д. Уолтона «Прагматическая теория ошибки» (1995), с одной стороны, и подходом, представленным в серии работ Я. Хинтикки по интеррогативной эпистемологии, с другой стороны. Показано, что несмотря на различие посылок, на основе которых выстроены эти подходы, оба они характеризуются тенденцией к прагматизации понятия ошибки, обуславливающей схожесть выводов, полученных в результате их применения.

Ключевые слова: ошибка; диалог; исследование; познание; прагматизм

A.Yu. Moiseeva, S.E. Ovchinnikov

PRAGMATIC VIEW OF THE CONCEPTON OF FALLACY

The article draws a parallel between two non-traditional approaches to the construction of the fallacy theory; those are the approach which is developed in joint works by J. Woods and D. Walton and later in D. Walton's independent work "A Pragmatic Theory of Fallacies" (1995), on the one hand, and the one presented in a series of works on interrogative epistemology by J. Hintikka, on the other hand. We show that despite the difference in the premises which underlies these approaches, both of them tend to pragmatizing the concept of fallacy, which causes a similarity of the conclusions resulting from their application.

Keywords: fallacy; dialogue; research; knowledge; pragmatism

Теория ошибки (fallacy) в философии имеет достаточно долгую историю. Насколько известно, первое учение о том, что такое ошибки в рассуждении и какими они бывают, принадлежит Аристотелю. Именно его «Софистические опровержения», а также отчасти «Топика» и «Риторика» заложили основу традиционного подхода к построению теории ошибки и классификации ошибок. Правда, традиционным

этот подход стал уже в Новое время, когда на понятие ошибки обратили внимание многие видные философы и логики. Так, в знаменитой книге А. Арно и П. Николя «Логика, или Искусство мыслить» (A. Arnauld, P. Nicole, *La Logique ou l'art de penser*, 1662) содержалась теория ошибки, которая почти полностью повторяла теорию Аристотеля, и классификация ошибок, которая была расширением и частично модификацией аристотелевской классификации. Отдельными категориями ошибок занимались Дж. Локк, И. Уоттс, И. Бентам и др. Считается, что полное выражение традиционный подход к теории ошибок получил в работе Р. Уэйтли «Элементы логики» (R. Whately, *Elements of Logic*, 1826) [3].

Сторонники традиционного подхода в качестве определяющего признака ошибок рассматривают их псевдо-аргументативную структуру: быть ошибкой означает, во-первых, быть аргументом, во-вторых, казаться правильным аргументом, в-третьих, не быть правильным аргументом. В рамках традиционного подхода принято выделять формальные и неформальные ошибки. Формальные ошибки состоят в неправильном выводе, который по своей структуре напоминает правильный. Неформальные же являются либо ошибками релевантности (когда аргумент не относится к теме), либо двусмысленности терминов [2]. Таким образом, исследование ошибок вращается здесь вокруг правил аргументации. Соответствующим образом выстраивается и теория ошибок. Конкретные виды ошибок выделяются по отношению к тому, какое конкретно правило в них нарушено, в результате чего возникают достаточно сложные и вариативные классификации, поскольку, согласно известной поговорке, истина одна, а способов заблуждаться бесчисленное множество¹.

Однако существуют и другие подходы к построению теории ошибки, рассматривающие в качестве основных не столько структурные признаки ошибок, сколько их функциональные свойства. Они обращают внимание на тот факт, что «кажущаяся правильность», фигурирующая в традиционном определении ошибки, не является простым и вполне прозрачным свойством. Как минимум, оно должно вводить в сферу внимания теоретика того субъекта, которого данный аргумент

¹ При этом в среде философов и логиков нам не раз приходилось слышать пренебрежительные высказывания о таких классификациях как об имеющих лишь историческую и, так сказать, коллекционную ценность, поскольку очевидно, что человеку, который хорошо усвоил правила аргументации, нет необходимости знать еще и «правила ошибания», чтобы отличить ошибку от добротного аргумента.

оказался способен убедить. Тем самым рассматриваемый процесс превращается из одностороннего «движения» аргументации от посылок к заключению в двухсторонний процесс аргументации-адаптации-контраргументации, в ходе которого точки зрения сторон трансформируются, конвергируют или дивергируют ввиду какой-то (зачастую не артикулированной) общей цели. Иными словами, понятие ошибки становится понятием теории коммуникации.

Целью настоящей статьи является не подробный разбор какого-то одного из этих «нетрадиционных» подходов, а скорее очерк того общего, что есть между ними всеми, а именно тенденции к прагматизации понятия ошибки. Мы полагаем, что такая тенденция позволяет связать эти подходы с некоторыми подходами в эпистемологии, представляющими процесс познания как целесообразную деятельность. В частности, как мы покажем во второй части статьи, в интеррогативной эпистемологии Я. Хинтикки ошибка понимается очень сходным образом, хотя начальные посылки, из которых исходит Я. Хинтикка, на первый взгляд сильно отличаются от тех посылок, из которых исходят сторонники прагматической теории ошибки.

Особенности нового подхода к теории ошибки

В то время как формальные ошибки на протяжении нескольких веков были предметом логического исследования, неформальные оставались без серьезного внимания философов до конца XX века. Так, Дж. Вудс и Д. Уолтон в серии работ, собранных под общим названием «Ошибки: Избранные работы 1972–1982» (J. Woods, D.N. Walton, *Fallacies: Selected Papers, 1972–1982*, 1989), одни из первых предложили подход к исследованию неформальных ошибок, который не просто приводит различные примеры неформальных ошибок и классифицирует их по более или менее произвольному основанию, но и включает их в общую теорию ошибок как таковых. Позже они развивали этот подход уже независимо друг от друга [7; 8], однако их идеи во многом схожи и хорошо дополняют друг друга. Поэтому мы будем рассматривать их в комплексе и называть, по контрасту с традиционным подходом к построению теории ошибки, *новым* подходом.

Новый подход к теории ошибки, заключается в том, чтобы, с одной стороны, использовать формальные методы для анализа неформальных ошибок (для каждого вида ошибок используется своя собственная логическая система), а с другой стороны, расширить контекст

применимости логических систем путем добавления к логике «эмпирической чувствительности» (empirical sensitive) и «эпистемологической бдительности» (epistemological aware). Под эмпирической чувствительностью понимается натурализация логики в духе У. Куайна, т.е. использование данных эмпирических наук, в особенности психологии: «без независимого представления о том, кем являются мыслящие, поиск теории правильного мышления это использование рычага без точки опоры» [8, p.13]. В свою очередь, под бдительностью понимается то, что «логика, которую мы ищем, не может быть получена, если мы не приспособим ее положения к когнитивной природе действительного мыслящего агента» [8, p. 2].

Поскольку эмпирически чувствительная логика имеет дело с действительной практикой аргументации, а последняя осуществляется в рамках естественного языка, то необходима специальная теория, позволяющая связывать формальные логические системы и естественный язык. На роль такой теории претендует «прагматическая теория ошибок», которая развивается Д. Уолтоном [7]. Суть этой теории состоит в следующем. Традиционный тезис о том, что аргумент *H* может быть ошибочным тогда и только тогда, когда существует аргумент *P*, который является истинным, и *H* противоречит *P*, не принимается. Вместо этого утверждается, что «для оценки корректности аргумента необходимо знать контекст разговора, в котором аргумент используется» [7, p. 98]. Соответственно, в теорию вводится понятие *диалога*, который определяется как последовательность «ходов» или речевых актов, упорядоченная в соответствии с некоторой целью. Чтобы избежать релятивизации определения ошибки к конкретному диалогу, Д. Уолтон приводит типологию диалогов², и в рамках каждого из типов релевантными признаются лишь определенные схемы аргументации.

В качестве примера рассмотрим диалог, который Д. Уолтон классифицирует как критическую дискуссию. В критической дискуссии, цель которой состоит в разрешении некоторого локального конфликта мнений, ходами являются аргументы, релевантность которых зависит от всех предыдущих аргументов и изначальных предположений. Аргументы должны приниматься обеими сторонами диалога, и «цель критической дискуссии должна быть отделена от индивидуальных целей участников диалога» [7, p.101]. Суть процесса аргументации состоит не

² Он выделяет 6 базовых типов: критическую дискуссию, переговоры, исследование, спор, поиск информации и обсуждение.

в том, чтобы структура аргументов соответствовала некоторым формальным правилам, но в том, чтобы она соответствовала цели диалога (участники диалога приняли некоторый аргумент, который подтвержден лучше других).

Центральной для данного вида диалога является идея *принятия аргумента* (commitment): «Эта идея состоит в том, что каждый участник диалога обладает репозиторием, т.е. некоей разновидностью базы данных, которая хранит все пропозиции, которые были приняты им ранее на всех стадиях диалога... Принятый аргумент является пропозицией, которую вы (эксплицитно или имплицитно) внесли в ваше хранилище принятых аргументов» [7, p.100]. Релевантность аргумента, как правило, зависит от предположений (presumption), которые принимаются установленными (granted) хотя бы одной из сторон диалога. В тоже время должен существовать набор предположений, который разделяется всеми сторонами, поскольку иначе диалог оказывается невозможным.

Другой важной частью диалога является способ дедуцирования одних аргументов из других. В рамках прагматической теории ошибок этот способ задается в рамках изначальных предположений, которые играют в диалоге ту же роль, которую играют аксиомы и правила вывода в научной теории. Правильно дедуцированный аргумент оказывается, таким образом, необходимо релевантным. Проблема возникает, когда требуется оценить правильность дедукции. Изначальные предположения не всегда являются эксплицитно сформулированными предложениями, и их приходится прояснять в рамках данного диалога. В следующем примере, который приводит Д. Уолтон, изначальная критическая дискуссия дополняется сведениями в рамках перехода к диалогу «поиска информации»:

«Морис: Если разрешить эвтаназию, это может привести к тому, что людей будут убивать по политическим причинам или вследствие жадности их родственников.

Хизер: Нет, если это будет полностью добровольно. Человек, который решил умереть должен сделать это по своей воле и без какого либо давления со стороны других.

Морис: Но это никогда не будет работать. На практике это будет использовано людьми, которые будут эксплуатировать систему.

Хизер: Хорошо, но это уже работает в Голландии. Пациенты с неизлечимыми заболеваниями могут выбрать эвтаназию, проконсульти-

ровавшись со своим врачом. Система там работает. Люди счастливы и нет никаких причин для беспокойства или жалоб.

Морис: Можешь ли ты это доказать?

Хизер: У меня есть отчет из голландского медицинского журнала, написанный голландским врачом, который имеет обширный опыт в области эвтаназии. И из того, что он пишет, ясно, что система работает и не страдает от злоупотреблений, о которых ты беспокоишься» [7, p. 119–120].

При обращении к отчету из медицинского журнала критическая дискуссия прерывается и возникает аргумент из другой схемы аргументации. Новый аргумент обогащает диалог и не лишает возможности вернуться к критической дискуссии. Поэтому такой аргумент в рамках прагматической теории рассматривается как корректный. *Ошибка* же, с точки зрения этой теории, возникает, когда переход от диалога одного типа к диалогу другого типа является «скрытым» (*tacit*). Такой переход подразумевает аргумент, который оказывается нерелевантным данному диалогу или данной стадии диалога и, таким образом, не приближает диалог к его цели: «релевантность аргумента базируется на том, служит ли он общей цели диалога как целого» [7, p.163]. Например, при рассмотрении, телевизионной передачи, в рамках которой постулируется критическая дискуссия, но в действительности предмет дискуссии рекламируется (т.е. осуществляется убеждение), переход между типами диалогов является скрытым и, соответственно, цель критической дискуссии не может быть достигнута.

Таким образом, отдельный аргумент должен рассматриваться с точки зрения его релевантности контексту диалога (т.е. всех уже выдвинутых аргументов и его цели). Первым шагом в исследовании ошибок аргументации должно быть определение типа диалога, в котором эта аргументация развертывается. Понимание участниками диалога его типа и цели позволяет осуществлять отбор *схем аргументации*, которые могут быть уместны для достижения данной цели при заданных условиях. Например, для критической дискуссии может применяться практическое³ или предположительное⁴ обоснование, в то время как

³ Схема аргументации практического обоснования: «Если произойдет *A*, то последствия будут положительными (отрицательными)» [7, p. 155].

⁴ «Предположение выдвигается “ради аргумента”, чтобы позволить диалогу сделать предварительный шаг вперед, когда нет достаточных доказательств, чтобы окончательно доказать предполагаемое предложение или опровергнуть его» [7, p. 133].

виды обоснования, обращающиеся к авторитету⁵, не могут продвигать такой вид диалога к его цели.

Далее, поскольку, во-первых, схемы аргументации не связаны необходимым образом с типом диалога, а во-вторых, имеются имплицитные предпосылки, которые могут быть прояснены лишь в процессе обсуждения, то возникает конкуренция между участниками за выбор *стратегии* развития диалога, т.е. конкретной последовательности схем, которые будут использованы для достижения цели. Успешность диалога определяется тем, насколько участники достигли согласованности в этом процессе. Достижение согласованности, в свою очередь, зависит от того, насколько участники диалога оказались способны использовать «эпистемологически бдительную» и «эмпирически чувствительную» логику, т.е. такую, которая может повлиять на их собеседников как на мыслящих агентов. Таким образом, с точки зрения прагматической теории ошибки диалог необходимо оценивать на предмет ошибочности в целом, т.е. как совокупность аргументов и их предпосылок, включающих не только цели, но и другие факторы контекста, например, когнитивные характеристики участников.

Концепция ошибки в интеррогативной эпистемологии Я. Хинтикки

Интеррогативная эпистемология Я. Хинтикки [1; 6; 4; 5 etc.] – это теория, в которой познание представляется в виде процесса генерации вопросов и получения ответа на них от некоего «оракула», под которым можно понимать природу, человека, свидетельства которого считаются надежными, или, например, электронный носитель информации, к которому познающий агент обращается с помощью некоторого интерфейса. В общем виде цель этого процесса состоит в том, чтобы получить объяснение какого-то конкретного положения дел, обладающее заданными свойствами. Скажем, в детективном расследовании обычно требуется установить личность предполагаемого преступника и способ преступления; в науке конечной целью считается подведение

⁵Схема аргументации, например, для «этического обоснования» выглядит следующим образом: «Если *x* обладает хорошей (плохой) моральной характеристикой, тогда то, что *x* говорит, следует рассматривать как более (менее) приемлемое» [7, p. 153].

явления под некоторый естественный закон⁶; при исследовании человеческих действий с точки зрения психологии объяснение должно включать мотивы и иные психологические установки.

В каждом конкретном случае исследование достигает цели, когда агент получает ответ на некоторый вопрос, однако в начале исследования этот «самый большой» вопрос может быть неизвестен. И даже если он известен, получить на него ответ сразу невозможно – иначе все исследование выродилось бы до единственного шага. (Как пишет Я. Хинтиikka [6, р. 219], такие вырожденные «исследования» представляют собой частный случай упомянутой еще Аристотелем ошибки предвосхищения основания.) Результат получается при помощи последовательности, состоящей из «малых» вопросов и дедуктивных шагов. Соответственно, *стратегия*, с точки зрения данной теории, представляет собой некоторый способ применения в процессе исследования формальных правил, которые условно подразделяются на две большие группы: дедуктивные и собственно интеррогативные. Первые представляют собой правила вывода посылок для новой стадии исследования из начальных посылок и информации, полученной на предыдущей стадии, вторые же – правила генерации вопросов на основе посылок. На каждой стадии агенту приходится решать, какие именно посылки следует в данный момент использовать в качестве основания для дедукции или вопроса, и от этого выбора зависит, насколько быстро он получит желаемый результат и получит ли вообще. Все это удобно представлять в виде игры, в которой каждому «ходу» агента сопоставляется некоторая «цена», и имеется некоторый совокупный «выигрыш», зависящий от того, каким количеством информации с требуемыми свойствами агент обладает на данный момент.

Можно было бы подумать, что в этом контексте *ошибкой* следует считать ход, приносящий меньшее увеличение выигрыша, чем некоторый другой ход, возможный на той же стадии исследования. Однако, как настаивает Я. Хинтиikka, невозможно приписывать ошибочность какому-либо отдельному ходу (если он формально корректен), можно приписывать ее лишь стратегии в целом. Успех стратегии, пишет Я. Хинтиikka, зависит от того, способен ли агент предугадать, куда может привести рассуждение, если руководствоваться ею [5, р. 56]. При-

⁶ Хотя, как стали говорить в последнее время, этот взгляд на науку грешит существенными упрощениями. См., например, книгу М. Бунге «Причинность. Место принципа причинности в современной науке» (M. Bunge. La causalità. Il posto del principio causale nella scienza moderna, 1959).

менительно к дедуктивному компоненту рассуждения это, наверное, никого не удивит, однако можно показать, что и интеррогативный компонент требует не менее развитой способности к предугадыванию. Например, если некто задает вопрос «Кто украл документ из сейфа?», то он тем самым предполагает, что существует истинная информация вида $\langle b, x \rangle$, $x \langle x, \text{документ} \rangle \& \langle x, \text{хранится в сейфе} \rangle$, украть», где b есть имя определенного и притом известного ему человека, и что оракул обладает этой информацией.

С этой точки зрения Я. Хинтиikka переинтерпретирует некоторые виды ошибок, традиционно считающиеся формальными, как ошибки в стратегии [6]. Так, ошибка предвосхищения основания является ошибкой не потому, что нарушается логика (логически аргумент такого вида может быть безупречным), а потому, что в качестве посылки используется предложение, которое не является ни изначально принятым, ни полученным в качестве ответа на предыдущих стадиях исследования. Еще более очевидную стратегическую природу имеет ошибка подмены тезиса, при которой формально правильный процесс исследования просто не может прийти к требуемому результату. Например, так бывает, если, намереваясь опспорить чью-то точку зрения путем сведения ее к абсурду, мы реконструируем эту точку зрения слишком упрощенным образом, на что нам и указывает впоследствии оппонент. Сам по себе этот факт не означает того, что точка зрения оппонента является истинной или хотя бы непротиворечивой, но только то, что избранная стратегия неудачна⁷.

Приведенное выше соображение проливает свет на некоторые важные сходства между процессом исследования, как его представляет Я. Хинтиikka, и диалогом, как его представляет Д. Уолтон. Помимо лежащего на поверхности сходства структуры (последовательность ходов, в случае диалога представляющих собой аргументы, в случае ин-

⁷ На самом деле, как полагает Я. Хинтиikka [6], уже Аристотель рассматривал все эти виды ошибок как стратегические, а не формальные, поскольку аристотелевская теория ошибок была тесно связана с осмыслением практики принятой в Академии интеррогативной игры (*elenchus*). Однако позднейшие интерпретаторы не учли этой связи, в результате чего сформировалась тенденция все или почти все упомянутые Аристотелем ошибки относить либо к категории формальных, либо к категории терминологических. Примечательным исключением является ошибка подмены тезиса, которая настолько отличается от других, что некоторые теоретики вообще называют ее ошибкой лишь с оговорками. С точки зрения Я. Хинтиikka, если бы была осознана необходимость выделения самостоятельной категории стратегических ошибок, ошибка подмены тезиса давно нашла бы свое законное место.

террогативного исследования – вопросы и дедукции), обнаруживается также и более глубокое сходство, а именно невозможность оценить результативность отдельного хода, но лишь результативность аргументативной схемы или стратегии как целого. В случае диалога оценка результативности осложняется еще и тем, что в рамках диалога одного типа может присутствовать диалог другого типа или даже несколько таких диалогов, цели которых различны и как-то соотносятся друг с другом, а также с целью «внешнего» диалога. В случае исследования возможна аналогичная ситуация: для того, чтобы получить ответ на некоторый «большой» вопрос, может потребоваться проверить одну или несколько «малых» гипотез, каким-то образом логически соотносящихся друг с другом и с самим «большим» вопросом. Например, для того, чтобы получить ответ на вопрос «Верно ли, что только один человек имел ключ от сейфа?», нужно сначала узнать ответы на связанные вопросы, например, «Верно ли, что кто-то из сотрудников фирмы имел ключ от сейфа?», «Верно ли, что никто, кроме сотрудников фирмы, не имел ключа?» и «Верно ли, что не могло быть двух или более сотрудников, имеющих ключи?». В конечном счете, если ответ на «большой» вопрос окажется утвердительным, цель исследования сможет быть достигнута посредством получения ответа на простейшие вопросы типа «Имел ли x ключ от сейфа?», где x пробегает по элементам некоторого конечного множества индивидов. Однако чтобы установить, какое это множество, может потребоваться немало усилий.⁸

При более широком взгляде на вещи наличие подобного сходства между такими, казалось бы, разнонаправленными теориями несколько не удивляет. В конце концов, метацелью любого диалога как последовательности взаимосвязанных аргументов, очевидно, является какое-то познание, т.е. объяснение – в широком смысле: не обязательно причинное, но также описательное или любое другое, соотносящееся с объяснительными стандартами, которые принимают участники диалога – некоторого положения дел. Сама возможность развития диалога обусловлена, во-первых, альтернативностью объяснительных гипотез (поскольку каждый из участников диалога выбирает собственную по-

⁸ В формализации интеррогативного процесса Я. Хинтикой сложность ответа на любые закрытые вопросы получает количественную оценку, связанную с квантификационной сложностью пропозиции, истинность которой нужно установить. Сложность ответа на открытые вопросы тоже можно оценить путем переформулировки их в некоторое множество закрытых вопросов. То, что такая переформулировка всегда возможна, доказывается в [4, p. 55].

знавательную стратегию), во-вторых, потенциальной ошибочностью любого аргумента (поскольку изначальные посылки частично имплицитны). В парадигмальном случае, когда участники диалога сообщая обладают всей информацией, необходимой для того, чтобы получить удовлетворяющее их обоим объяснение, задача сводится к тому, чтобы эксплицировать эту информацию и на основе нее сделать дедуктивное умозаключение. Вот для чего, в конечном счете, нужны аргументы, и ровно та же самая задача в исследовании решается с помощью последовательности дедуктивных и интеррогативных ходов.

Как показывает Я. Хинтиikka, интеррогативная эпистемология способна стать базой для создания теории, позволяющей более глубоко понять природу различных ошибок и более единообразно описать их, чем традиционная теория. «Вместо того, чтобы совсем запрещать попытки [сделать] ход определенного вида, зачастую более познавательно сопоставить им настолько высокую "цену", ... что на практике ни один разумный игрок их не сделает. Например, можно постановить, что исследователь может "купить" предпосылки для какого угодно вопроса, но только очень дорого за них заплатив, например, с быстрым удорожанием предпосылки по мере роста ее квантификационной сложности. Такая процедура обеспечила бы гибкость интеррогативной модели и сделала бы обсуждение выбора стратегии более общим. Это также сделало бы интеррогативную теорию ошибок более однородной» [6, р. 231–232]. Таким образом, стратегическая трактовка является в интеррогативной теории ошибок не просто одним из способов объяснения, но тем способом, к которому, в конечном счете, сводятся все остальные. Как и в прагматической теории ошибок, главными здесь оказываются не правила, а цели и пути их достижения. Поэтому, думается, в широком смысле теорию Я. Хинтиikka также вполне можно называть прагматической.

Вместо заключения

В качестве общего соображения по теме статьи следует сказать, что, принимая во внимание стратегическое измерение таких видов интеллектуальной деятельности, как диалог и исследование, мы сразу же встаем на путь прагматизма. И это неизбежным образом трансформирует многие понятия, лежащие в основе наших представлений о том, что рационально, а что нет, в частности, понятие об ошибке. Мы начали с того, что, согласно традиционным воззрениям, ошибка есть нару-

шение правил рассуждения, соблюдение которых является единственным способом обоснования каких бы то ни было воззрений. Таким образом, с точки зрения традиционного подхода тот, кто выдвигает ошибочный аргумент, зная о его ошибочности, либо безумен, либо намеренно разрушает собственное рассуждение с какими-то внешними по отношению к нему целями. Теперь же мы видим, что ошибку можно рассматривать как такой способ рассуждать, который подчиняется тем же самым общим правилам, что и более общепринятые способы, он лишь не является эффективным в данном конкретном контексте. Следовательно, если некто совершает ошибку, зная, что это ошибка, то здесь еще нет повода считать его безумцем или жуликом; он заведомо повинен только в том, что не нашел еще никакого лучшего аргумента в пользу своей точки зрения, однако не готов при этом перестать ее защищать. Да, не очень умно пытаться достигнуть своих целей такими средствами, о неэффективности которых известно тебе самому, однако не секрет, что в некоторых случаях мы все делаем что-то подобное. Так ошибка становится более «человеческой» и тем самым более понятной.

Кроме того, тенденция к прагматизации в теории ошибки имеет некоторые следствия, интересные с точки зрения философии науки. Приходится констатировать, что до сих пор у нас нет лучшего критерия научности теории, чем ее фальсифицируемость. Однако что такое фальсифицируемость, если не существование некоторых скрытых «предпосылок» фактического характера, т.е. потенциальных научных знаний, которые раскрываются и актуализируются как знания именно в процессе диалога между ученым и природой? Получается, что именно возможность выявления отдельных ошибочных объяснительных схем является для нас гарантией того, что теория в целом пригодна на наших целях как ученых. Тогда нефальсифицируемую теорию можно уподобить ошибочной стратегии в диалоге и задаться вопросом, в чем причина того, что в данном случае цель не достигается. Если бы удалось выявить такие философские предпосылки при формировании теории, которые в конечном итоге приводят к тому, что ее нельзя фальсифицировать, это дало бы пример совершенно нового и многообещающего типа аргументации в области философии науки.

Вместе с тем прагматический взгляд на понятие ошибки сопряжен и с определенными трудностями методологического характера. Например, прагматическая теория ошибки описывает диалог как особого рода взаимодействие субъектов. С одной стороны, это делает теорию более «реалистичной», с другой стороны, это вводит в сферу внимания

теоретика «волевые» характеристики субъекта. В частности, как предполагает эта теория, чтобы диалог был успешным, участники диалога должны каким-то образом прийти к предварительному согласию о его цели и прикладывать усилия воли на протяжении всего диалога для того, чтобы двигаться к этой цели (либо для изменения ее по обоюдному согласию). Соответственно, теоретику, чтобы адекватно описать диалог, требуется дать какую-то характеристику способам и средствам, с помощью которых участники диалога это делают. Как, в каких терминах может быть дана такая характеристика, совсем не очевидно.

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что в будущем прагматический взгляд на понятие ошибки приобретет еще многих сторонников. В контексте общей тенденции к прагматизации и гуманизации (в смысле соразмерности используемых категорий человеку, субъекту), имеющей место в современной философии, это выглядит неизбежным. А если так, то методологические трудности будут (по крайней мере, отчасти) преодолены. Остается надеяться, что закономерности, выявленные при использовании этого подхода, окажутся самоприменимыми и позволят его сторонникам лучше избегать ошибок и более прямым путем приближаться к нашей общей цели – знанию, – чем это было до «прагматического поворота».

Литература

1. *Хинтикка Я., Хинтикка М.* Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 265–281.
2. *Copi, I.M.* Introduction to Logic. – 2nd ed. – N.Y.: Macmillan, 1961.
3. *Hansen, H.* Fallacies // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/fallacies/> (дата обращения: 02.02/2020).
4. *Hintikka, J.* Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery. – Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 1999.
5. *Hintikka, J.* Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007.
6. *Hintikka, J.* The fallacy of fallacies // Argumentation. – 1987. – No. 1. – P. 211–238.
7. *Walton, D.N.* A Pragmatic Theory of Fallacies. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1995.
8. *Woods, J.* Errors of Reasoning: Naturalizing the Logic of Inference. – London: College Publications, 2013.

References

1. *Hintikka, J. & M. Hintikka.* (1987). Sherlock Kholms protiv sovremennoy logiki: k teorii poiska informatsii s pomoshchyu voprosov [Sherlock Holmes confronts modern logic: Toward a theory of information-seeking through questioning]. In: Petrov, V.V. (Ed.). *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya: Perevody* [Language and Modeling of Social Interaction: Translations]. Comp. by V.M. Sergeev & P.B. Parshin. Moscow, Progress Publ., 265–281. (In Russ.).
2. *Copi, I.M.* (1961). *Introduction to Logic*. 2nd ed. New York, Macmillan.
3. *Hansen, H.* (2019). Fallacies. In: Zalta, E.N. (Ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2019 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/fallacies/> (date of access: 02.02/2020).
4. *Hintikka, J.* (1999). *Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery*. Dordrecht & Boston, Kluwer Academic Publishers.
5. *Hintikka, J.* (2007). *Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning*. New York, Cambridge University Press.
6. *Hintikka, J.* (1987). The fallacy of fallacies. *Argumentation*, 1, 211–238.
7. *Walton, D.N.* (1995). *A Pragmatic Theory of Fallacies*. Tuscaloosa, University of Alabama Press.
8. *Woods, J.* (2013). *Errors of Reasoning: Naturalizing the Logic of Inference*. London, College Publications.

Информация об авторах

Моисеева Анна Юрьевна – м.н.с., Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
ajumo@yandex.ru

Овчинников Степан Евгеньевич – м.н.с., Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
step.ovch@gmail.com

Information about the authors

Moiseeva Anna Yuryevna – the junior scientific worker, the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia)
ajumo@yandex.ru

Ovchinnikov, Stepan Evgen'evich– Institute of Philosophy and Law (8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia)
step.ovch@gmail.com

Дата поступления 19.03.2020